

А
Издание Л. И. Ливина.

Въ глуши БАШКИРІИ

РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ И НАБРОСКИ

ИЗЪ БАШКИРСКОЙ ЖИЗНИ.

Петра Добротворекаго.

Екатеринбургъ.

Типографія газеты „Уральская Жизнь“.

1901.

А

Дозволено цензурою. Москва, 6-го мая 1901 года.

2004127631

Бабай.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Это было давно, въ году страшнаго бѣдствія, которое, на языкѣ народномъ, носитъ очень характерное названіе—„голодовки“.

Наступала весна. Я былъ мировымъ посредникомъ, объѣзжалъ свой участокъ и собиралъ свѣдѣнія о голодающихъ. Снѣгъ, лежавшій въ степи глубокимъ настомъ, таялъ быстро: вершины холмовъ уже оголились, въ низинахъ показалась вода, благодаря которой начинали образовываться зажоры, дѣлающіе всякое сообщеніе не только затруднительнымъ, но даже и опаснымъ.

Я ѣхалъ на своихъ: „Мышенокъ“—рыжий, красивый меринъ, ходившій у меня на „гусю“, шелъ осторожно, низко опустивши голову и выбирая себѣ дорогу, гдѣ бы не провалиться; запряженный въ середину, бурый „Казакъ“, натянувши, какъ струны, постромки, усердно тащилъ „кошевую“, а иной разъ и самого коренника, старика

„Бѣлаго“, который усталъ и, надѣясь на своихъ вѣрныхъ товарищей, шагаль лѣниво, потряхивая то и дѣло своей косматою головой, точно онъ желалъ отдѣлаться отъ назойливо звенѣвшаго надъ самыми его ушами колокольчика. Мой возница—простой, добродушный парень Нестеръ—шелъ сзади саней пѣшкомъ, повременамъ пуская впередъ свой длинный, гусевой кнутъ, поддерживая такимъ образомъ бодрость и энергію въ утомившейся тройкѣ.

День клонился къ вечеру; кругомъ царила тишина: ни одного живаго звука; слышится только какой-то неопредѣленный глухой шумъ, будто далекій, далекій шепотъ многолюдной толпы, отъ сплывавшихъ водъ въ низины, да когда замиралъ колокольчикъ, слышно было, какъ оступались и проваливались лошади,—ни одного живаго существа

Было уже совсѣмъ темно, когда мы съ Нестеромъ добрались до большой башкирской деревни, растянувшейся, какъ и всегда, одной улицей, чуть не на цѣлую версту. Ни огней, ни движенія,—населеніе точно вымерло; даже собаки, и тѣ не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ, только тамъ, гдѣ-то вдали, будто упавшая съ неба звѣздочка, дрожить слабый, одинокій огонекъ.

Огонь этотъ, когда мы подъѣхали къ нему, какъ оказалось, горѣлъ въ одной

избѣ, которую, по сравненію съ окружающими ее лачужками, право, можно бы смѣло назвать дворцомъ, потому-что у ней были и рамы съ цѣльными стеклами, и тесовая крыша, да и вся она, освѣщенная въ эту минуту ярко всмыхнувшей лучиной внутри, смотрѣла какъ-то особенно уютно и весело.

— Ну-ка, остановись!—сказалъ я моему возницѣ.

Парень придержалъ вожжи, лошади стали, я вылѣзъ изъ „кошевой“.

— Нужно зайти,—здѣсь кажется; сытые живутъ!—говорю я, обращаясь къ Нестеру, съ которымъ мы объѣхали въ этотъ день не мало деревень, а видѣли только голую буквально голую нищету, да сотни голодающихъ.

Отворивши тихо ворота, тихо взобравшись на крыльцо, я вошелъ въ избу совершенно неожиданно. Нѣсколько женскихъ фигуръ и нѣсколько ребятишекъ, малъ-мала меньше, увидя вошедшаго къ нимъ незнакомца, а быть можетъ и узнавши въ немъ своего начальника, точно кучка испуганныхъ овецъ, почуявшихъ хищнаго звѣря, шарахнулись и быстро скрылись за занавѣской, составляющей необходимую принадлежность каждаго помѣщенія, въ которомъ живетъ мусульманская семья, не имѣющая у себя особой женской половины.